

ях в качестве источника указывается «Щуцак дзсраграц» (Каталог рукописей). Мало кому из современных арменистов известно, что только изданных каталогов армянских рукописей ныне насчитывается не менее 200.

Авторы словаря почему-то слишком доверительно относятся к опечаткам в источниках. Со ссылкой на указатель имен книги «История Армении» М. Чамчяна в словарь включен топоним «Ардина». В указанном индексе (т. III, приложения, с. 135) имеется только топоним «Аргинна», который авторы словаря как-то умудрились прочесть как «Ардина». В соответствующем армянском шрифте буквы д и г немного похожи, но авторы не обратили внимание даже на то, что после «Аргинны» в списке следует слово «Аргонавты». Стоит ли говорить о том, что при создании подобного словаря далеко не достаточно пользоваться только индексами. Из-за такой же опечатки появилась статья «Амаду» (ср. «Амагу»). На с. 353 читаем: «Аваг — ... селище в Котайкском (Абовянском) р-не Арм.ССР». В газете «Советакан Аястап» (8.1.1939 г.) так неверно названо село «Авад». На с. 771 читаем: «Галаклу — ... село в Котайкском р-не Арм.ССР. Упоминается в одном из номеров газеты «Авангард» (1937 г. 26/8)». В Котайкском (Абовянском) р-не села под таким названием никогда не было. Известно с. Даллаклу, в 1948 г. переименованное в «Зовашен». Очевидно, что при составлении словаря не следует без проверки включать любую информацию, тем более, что данный населенный пункт находится в Советской Армении и информация может быть легко проверена.

Во многих случаях удивляют признания авторов: «местонахождение и характер неизвестны». Трудно предположить, как исследователи не сумели найти информацию о топонимах «Аванлуг» (село севернее знаменитого Туркманчая в Южном Азербайджане), «Гелан» (административная единица в северо-западном Иране, на побережье Каспийского моря, современный Гилян), «Атени» (село в Горийском р-не Грузинской ССР, известное своим знаменитым раннесредневековым храмом) и т. д.

Нередко топонимы повторяются. Непонятно, как авторам словаря удалось не заметить их идентичность («Абарне» — 3 раза, «Агоглан» — 2 раза, «Абдалар» — «Абдулар», «Акамсис» — «Акампис», «Аринджкус» — «Арнджкус», «Бабонк» — «Бабунк», «Далаклу» — «Даллаклу» в следующем томе, «Гегвадзор» — 3 раза). Следует сказать несколько слов и об очень низком уровне редакторской работы. Большинство из отмеченных нами ошибок и курьезов при внимательном редактировании могло и не быть.

Для объективной оценки словаря следует обратить внимание также на следующий факт. Словарь слишком перегружен излишней, в научном плане ничего не дающей информацией (художественное описание ландшафта, населения). Трудно также понять, зачем включать в топонимический словарь имена ученых, деятелей культуры и других ныне здравствующих знаменитостей. Можно было бы обойтись и без упоминания названий современных народно-хозяйственных объектов. С другой стороны, как было отмечено выше, составители словаря сознательно отказались от ссылок на источники. В целом ряде случаев чувствуется отсутствие необходимой точности в систематизации материала. Здесь же отметим малочисленность сокращений и предельно популярный стиль изложения, уместные в газетной статье, но не в энциклопедическом справочнике. Все это показывает, что несмотря на огромную работу, которую проделали авторы, ее результат трудно считать удачным. Кажется несомненным, что последующие тома словаря должны быть существенно переработаны и тщательно отредактированы. Отмеченные же нами ошибки и упущения (полный их список будет представлен авторскому коллективу) могут быть отражены в дополнительном томе этого столь необходимого специалистам издания.

А. А. Акопян, А. П. Галстян,
М. М. Карапетян

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Этнография на България. Т. II. Материална култура. 329 с. Илл. Т. III. Духовна култура. 386 с. Илл. София, 1983, 1985.

В НРБ завершено издание трехтомной «Этнографии Болгарии» — фундаментального труда, над созданием которого в течение многих лет работали сотрудники Института этнографии и фольклора Болгарской Академии Наук с участием специалистов смежных наук. Это наиболее полный на сегодняшний день свод этнографических данных о болгарском народе по состоянию их изученности на конец 1970-х годов. В труде нашли также отражение теоретические взгляды ученых НРБ и их методология в области этнографических и фольклорных исследований.

Отклик на том I «Введение в этнографическую науку и соционормативная культура» (София, 1980) уже публиковался в нашем журнале¹. Напомним, что в этом томе рассмотрены общие теоретико-методологические проблемы болгарской этнографии, ее связь со смежными науками, ее источники и историография. Даны антропологическая, демографическая и этнопсихологическая характеристики болгарского наро-

¹ Горина Л. В. Этнография на България//Увод в этнографската наука и социалнонормативна култура. София: Изд-во на Българската Академия на науките, 1980. 375 с. (Рец. см.: Сов. этнография. 1982. № 3. С. 170—173).

да, обрисованы природно-географические условия его существования. Другие части I тома посвящены этногенезу и этнической истории, соционормативной культуре. Рецензируемые II и III тома посвящены основным результатам изучения материальной и духовной культуры болгар, включая фольклор и прикладное искусство. Народное творчество в данном контексте рассматривается как часть более широкого целого — этнической культуры (т. II, с. 79—82; т. III, с. 9). Таким образом, в новом обобщающем труде по болгарскому народоведению охвачена практически вся его предметная область.

К работе были привлечены компетентные специалисты, которые использовали широкий круг источников: этнографические (полевые, архивные, письменные, музейные), а также археологические, языковые, исторические, записки путешественников и др. Особо следует отметить массовый сбор полевого материала, проведенный в 1960—1970-е годы по программе, составленной в связи с подготовкой «Этнографии Болгарии».

Внешняя структура II и III томов сходна: каждый из них состоит из предисловия, трех частей, подразделяющихся на главы и параграфы, а также указателей: именного, географического и терминологического. Книги богато иллюстрированы.

В предисловиях, написанных соответственно членом редколлегии II тома Г. Михайловой (ответственный редактор тома — Г. Георгиев) и ответственным редактором III тома С. Генчевым, даны теоретико-методологические установки изучения материальной и духовной культуры, в которых много принципиально общего. Народная культура изучается в историческом развитии, что обусловило значительное расширение хронологических рамок исследования по сравнению с предшествующими работами аналогичного характера². Но практически приходится опираться в основном на культуру середины XIX — начала или первой трети XX в., которая не утратила целостности своего традиционного облика. В то же время этот период лучше обеспечен источниками.

Шире, чем прежде, понимаются предметные зоны материальной и духовной культуры с тенденцией рассматривать их во взаимной связи и в контексте социальной жизни, народных воззрений на мир. Оба редактора говорят о целесообразности изучения и функций народной культуры, в которых немало этнического своеобразие. В программу труда была заложена также характеристика городского быта — насколько это позволяла его фрагментарная изученность. Важное значение придается разграничению в народной культуре локально-регионального и общеполитического. Внимание в основном фиксируется на общем, в наибольшей степени несущем, по мысли авторов, этническую специфику, тогда как вариативность культуры рассматривается как ее богатство. Авторы обоих вводных разделов отмечают плодотворность сравнительно-исторического метода для этнокультурных исследований, но признают, что он имеет еще недостаточное применение в болгарской этнографии (т. II, с. 6; т. III, с. 9). Поэтому этническая идентификация тех или иных форм и элементов культуры проводится в данном труде на основе установления их типичности, общераспространенности у болгар. Это специально оговаривает С. Генчев, добавляя, что тот же метод принят и в двух других томах (т. III, с. 9).

Выдвинутые в предисловиях принципы изучения народной культуры носят в значительной мере программный характер. По признанию самих редакторов, члены авторского коллектива придерживались их лишь частично. Г. Михайлова полагает, что для их полной реализации не доставало прежде всего нужной фактологической базы, и поэтому было решено во II томе сконцентрировать внимание на подробном описании и систематизации материальной культуры (т. II, с. 6). В III томе соответственно отведено большое место детальному описанию народной духовной культуры.

В предисловиях помещены краткие историографические обзоры, а в III томе, кроме того, каждый тематический раздел начинается с подробной характеристики источников и литературы, что весьма ценно.

Богатейший материал, значительная часть которого впервые вводится в научный оборот, составляет основное и непреходящее значение рецензируемого труда. Важно поэтому дать читателю хотя бы самое общее о нем представление.

Первая часть II тома посвящена традиционным занятиям болгар. Главу I «Земледелие» открывает раздел о культуре зерновых, написанный крупным этнографом Х. Вакарельским, являющимся, в частности, основателем агроэтнографии в Болгарии. Раздел по сути повторяет соответствующую главу вышеназванной книги ученого (см. список 2), несколько проигрывая за счет меньшего числа графических рисунков (более информативных в данном случае, чем фотографии) и отсутствия этнографических карт. Но и в этом виде он выделяется своей основательностью. Впервые разносторонне изучены плодородство (Р. Бояджиев), виноградарство и огородничество (Л. Пенева-Винце), выращивание разнообразных технических культур (Е. Колева), заготовка кормов для скота (Л. Дуков).

В главе II «Животноводство» описаны скотоводческие отрасли (В. Маринов); основное внимание уделено овцеводству. Интересны разделы о пчеловодстве и шелководстве (Р. Бояджиев). В ту же главу включен весьма содержательный раздел об охоте и рыбной ловле (Х. Вакарельский), который можно было бы выделить в особый, или же иначе назвать I главу. В главе III «Домашние промыслы», написанной в основном М. Велевой («Ткачество» — Г. Крыстевой), речь идет о способах плетения и тканья — от архаических до поздних, о вязанье, крое и шитье, приготовлении

² Ср.: Болгары//Народы зарубежной Европы (серия «Народы мира». Этнографические очерки). Т. I. М., 1964; Вакарельски Х. Этнография на България. София. 1977.

красок и технологии крашения, о выделке сыромятной обуви и лепной керамики (женское занятие) и даже об изготовлении детских игрушек и музыкальных инструментов. Спорно отнесение к домашним промыслам способов орнаментации обрядовых хлебов, росписи пасхальных яиц, плетения из соломы украшений для интерьера жилища, техники вышивки, что, на наш взгляд, должно бы рассматриваться в разделе «Прикладное искусство» III тома. Впрочем, с орнаментом вышивки мы там вновь встречаемся, причем об этом пишет уже другой автор (Г. Михайлова). Но ведь техника любого произведения искусства неотделима от его формы, орнаментации, колорита и пр.

В главе IV представлено все разнообразие болгарских ремесел: плавка и обработка металлов (А. Примовский, С. Благоева), гончарство и резьба по камню (П. Пултев), обработка дерева (И. Коев), выделка тканей из козьей шерсти и ковроткачество (Г. Крыстева), производство сукна и шитье из него верхней одежды, плетение декоративного шнура (А. Примовский).

Вторую часть II тома образуют главы V и VI — «Коммуникации и средства общения» (Н. Колев) и «Торговля» (А. Примовский). Под коммуникациями понимаются способы переноса и перевоза грузов и людей, включая устройство дорог, мостов и пр.; под средствами сообщения — формы передачи устной информации (деревенскими глашатаями или из уст в уста в местах традиционных общественных сборов). Но последние трудно отнести к материальной культуре, это — вид культуры соционормативной. Спорным представляется и отнесение к материальной культуре чисто экономической стороны торговой деятельности (сведения о местах производства и сбыта товаров, о ритме функционирования базарных центров, о единицах товарного обмена). Другое дело — изучение сложившейся в процессе торговли материальной культуры (устройство функции караван-сараяв, сельских постоянных дворов, базаров, торговых улиц и др.): это интересное новшество в этнографии. В сущности содержание небольшой второй части, за исключением параграфа «Средства сообщения», объединяется, на наш взгляд, с первой в понятие «хозяйственная культура», что находит логичное продолжение в третьей части, посвященной материальному быту.

Третья часть II тома состоит из четырех глав. В главе VII, написанной архитектором Р. Ангеловой, дана типология поселений, а также описываются общественные здания, образующие их центр. Глава VIII «Жилище» распадается на разделы: «Двор и хозяйственные постройки», «Типы жилищ» (Б. Георгиева), «Внутреннее устройство и утварь» (Л. Пенева-Винне), «Виды домотканых изделий и их место в интерьере жилища» (Г. Крыстева). Таким образом, эта важная сфера быта описана весьма разносторонне. Глава IX посвящена одной из ярких форм болгарской народной культуры — одежде. Ее историческое развитие, типология, способы изготовления исследованы известным специалистом в этой области М. Велевой, декор одежды — М. Черкезовой. Впервые Г. Михайловой систематически изучены функции крестьянской одежды — бытовые, соционормативные, обрядовые. Ей же принадлежит исследование городского костюма, главным образом в период национального Возрождения (2-я половина XVIII в. — 70-е годы XIX в.), когда он в наибольшей степени обладал этническими чертами. Последняя, X глава раскрывает разнообразие и своеобразие болгарской пищи — каждодневной и обрядовой, традиционный режим питания (Л. Радева).

Несмотря на разнообразие тематики, II том воспринимается как целостное исследование. Его разделы написаны по единому плану, на основе общей методологии. Помимо подробной характеристики технологий отраслей хозяйства и домашних промыслов, орудий труда и предметов быта большинство авторов затрагивают такие нетрадиционные аспекты изучения материальной культуры, как организация труда, передача трудового опыта, связь социализации личности с включением в трудовую деятельность, сопутствующие этому обряды и поверья. Особенно удачны в этом отношении разделы о домашних промыслах, ремесле медников, одежде, пище.

Богатство и многоплановость духовной культуры болгар весьма затрудняют краткую аннотацию посвященного ей III тома. Об этом придется говорить более обобщенно и отмечать в каждом разделе наиболее характерное.

Первая часть III тома — «Народные представления о мире (знания, верования)» логично предваряет другие его разделы, раскрывая мировоззренческую основу народной духовной культуры. Четыре главы, написанные И. Георгиевой, являются первым в болгарской этнографии целостным исследованием мифологических представлений о строении мира и природных явлениях, а также народных воззрений на некоторые стороны семейных отношений и морально-нравственные нормы. Особенно ценными представляются описание и анализ образов низшей мифологии в сопоставлении с соответствующими данными у соседних и родственных народов (к сожалению, почти не привлекается западнославянский материал). Интересен поиск их исторических параллелей в античном мире, в индоевропейской древности³. Автором уделено внимание и проявлениям этнического самосознания в народном мировоззрении.

В ту же часть включена глава V «Медицина» (Л. Радева), что не случайно, так как значительная часть народных представлений о болезнях в исследуемый период носит мифологический характер. Выявлен и рациональный опыт народной медицины.

Во второй части III тома — «Народные праздники и обычаи» представлены как традиционные для болгарской этнографии календарный и семейный циклы (главы I

³ Подробнее см.: Георгиева И. Българска народна митология. София, 1984.

и III)⁴, так и сравнительно недавно целостно изученные родовые праздники и трудовые обычаи и обряды (главы II и IV). Вкладом в науку является прежде всего их систематическое описание с привлечением большого нового материала. М. Василева проанализировала данные, характеризующие исторические пласты в календарных обычаях, особенно основной — языческий, остановилась на функциях обрядов, выделив доминирующие в праздниках разных сезонов года. С. Генчев рассмотрел развитие семейного цикла во всем разнообразии его локально-региональных форм в связи с этапами эволюции болгарского этноса. Большое внимание он уделил и их социальному аспекту.

Глава II «Родовые праздники и обычаи» (Ж. Стаменова) по содержанию гораздо шире названия. Речь идет о почитании не только покровителей родственных групп, но и отдельных семей, даже лиц, а также социально-территориальных общностей (сельской общины, соседей по земле), наконец, ремесленников одной профессии. Отметим сравнительно мало известный архаический праздник в честь духа-покровителя дома (зооморфного, реже антропоморфного), местами выступающего как «хозяин» села. Автор склоняется к гипотезе происхождения сельских праздников из «родовых», оговаривая, впрочем, сложность этого вопроса.

В содержательной главе IV «Трудовые праздники и обычаи» (Р. Дражева) особенно интересно характеризуются аграрные, в составе которых обнаруживается сочетание культов плодородия с культом предков, что характерно для древних верований многих европейских народов. Немало новых сведений приводится об обычаях и обрядах, связанных со строительством дома и домашним трудом.

В третьей части III тома представлено многообразие видов и жанров народного художественного творчества. Размежевание в ряде стран (в том числе в НРБ) этнографии и фольклористики как наук, относящихся к разным отраслям гуманитарных знаний, нередко приводит к тому, что забывается их глубокая связь. В структуре одного труда эта связь выступает более явно. Народное искусство, увиденное глазами фольклориста, помогает этнографу найти новые стороны в мировоззрении народа, в обычаях и обрядах, воспроизвести эмоциональную обстановку праздников, уже не бытующих в традиционном виде, раскрыть некоторые особенности материального быта. Со своей стороны болгарские фольклористы помимо изучения фольклорных форм с точки зрения предмета своей науки проявляют интерес и к бытовым условиям их функционирования.

Богатейшее фольклорное наследие болгарского народа в контексте III тома «Этнографии Болгарии» представлено весьма обобщенно (что объясняется задачами труда), но подробная историография к каждой теме хорошо ориентирует читателя на расширение информации. В главе I «Словесное творчество» на первом месте песенные жанры. В сложном вопросе их классификации авторы опираются в основном на достижения болгарской науки (П. Динев, Ц. Романская). Обрядовые песни исследованы М. Бенковской и Р. Ивановой; мифические, религиозно-легендарные и бытовые — С. Боджиевой; юнацкий и гайдукский эпос, исторические и антифашистские песни — С. Стойковой. И. Коцева подробно осветила народную прозу: сказки разных жанров, предания, легенды, рассказы. Краткие фольклорные жанры и детский фольклор представила С. Стойкова.

Сведения о народном быте и обычаях можно почерпнуть во всех словесных жанрах фольклора. Жаль, однако, что специалисты почти не остановились на вопросе специфического отражения действительности в народном творчестве.

В главе II уделено место музыке, танцам и драматическому народному искусству. Первые две темы разносторонне охарактеризованы крупным этномузыковедом Р. Кацаровой в тесной связи с обычаями и обрядами. Мелодика и ритмика болгарской народной музыки, сохранившей архаические пласты, — ценный, но еще мало привлекаемый источник для этногенетических исследований. В музыке и танцах ясно прослеживается и региональная специфика. Р. Ангелова содержательно и живо написала о драматических элементах в обычаях и обрядах, а также остановилась на театрализованных необрядовых играх и развлечениях. Р. Ангелова и Р. Кацарова описали народный кукольный театр в нескольких его разновидностях.

Прикладное искусство, которому посвящена III глава, подразделяется на специализированное и специализирующее (в ремесле). Г. Михайлова написала вводный параграф главы; она рассматривает также декор одежды, орнаментацию тканей и ремесленных изделий из металлов и глины, каменную пластику; И. Коев изучил резьбу по дереву; Р. Ангелова исследует эстетику обрядового реквизита.

Таков вкратце материал II—III томов «Этнографии Болгарии». Добавим, что он снабжен подробной терминологией. Без преувеличения ренезируемый труд можно назвать энциклопедией болгарской народной культуры. Это ценнейший источник для сравнительных этнографических исследований и исторических реконструкций.

Вкладом в науку является систематизация эмпирического материала. Хотя такая работа проводилась и раньше, в столь широких масштабах она осуществлена впервые, внесены уточнения и дополнения в прежние классификации. К сожалению, не проанализированы, а некоторыми авторами (Б. Георгиева) даже не упомянуты усилия предшественников в этой области. Как не отметить прежде всего заслуг Х. Вакарельского в разработке типологии народной одежды, выделении региональных форм жилища, если в своей основе они принимаются современными болгарскими этнографами? Опыты типологии жилища предпринимали и другие ученые. Дело не только в научной этике. Методология типологических исследований — актуальная, по весьма

⁴ В III томе нет сквозной нумерации глав.

дискуссионная проблема этнографии, и проследить эволюцию подходов к ней, в частности на болгарском материале, было бы очень полезно. Не углубляясь здесь в суть этого сложного вопроса, отметим лишь, что в разных разделах рецензируемого труда упорядочение конкретного материала проведено на разных уровнях обобщения. Это во многих случаях объясняется различной степенью его изученности. Чаще авторы выделяют локально-региональные варианты, не задаваясь целью разграничить их главные и второстепенные признаки, хотя известно, что нередко именно детали играют дифференцирующую роль. В ряде разделов определены типы орудий труда, одежды, пищи, некоторых форм фольклора и др. Не кажутся убедительными типы жилища, так как в основу выделения многих из них положены разные критерии, что не отвечает главному требованию классификации⁵. Это скорее локально-региональные формы, представление о которых, правда, значительно расширено новыми данными.

Нельзя не приветствовать опыт периодизации форм болгарской народной культуры, впервые осуществленный в широких хронологических рамках.

Основной идеей, пронизывающей весь труд, является подход к этнографическому материалу с точки зрения отражения в нем этногенеза и этнической истории болгарского народа. Это, как известно, один из кардинальных вопросов нашей науки. В «Этнографии Болгарии» он решается в основном с помощью двух методов: установления типичности и традиционности для болгарского народа тех или иных форм, элементов культуры и, во-вторых, поиска их аналогий в прошлом, преимущественно в эпохе формирования болгарского этноса, — иначе говоря, славянских, фракийских и протоболгарских корней. Позднейшие культурные взаимодействия, как правило, во внимание не принимаются. Вероятно, одна из причин — довольно редкое обращение к сравнительному материалу, о чем говорилось выше. Не случайно те авторы, которые его используют, находят в болгарской народной культуре и типологические черты, присущие более широкому этнокультурным общностям, и заимствования, что дает им, кстати, возможность убедительнее показать ее специфику (см., например, т. II, с. 103, 123; т. III, с. 75, 79—80, и др.). Заметим в связи с этим, что опыт изучения в СССР календарных обычаев и обрядов народов Европы показал: сравнительные исследования лишь на базе состава элементов и их формы выявляют не столько их этнические, сколько надэтнические или субэтнические характеристики⁶. Авторы «Этнографии Болгарии» сделали важный шаг вперед в методологии выделения этнических признаков, обратившись к одной из внутренних сторон народной культуры — к ее функциям, а некоторые попытались наметить и структуру функций (например, календарных обычаев — т. III, с. 136; см. также с. 7). Использование такого метода в сочетании со сравнительным, думается, может продвинуть решение этого вопроса. Ведь функции культуры тесно связаны с образом жизни, системой ценностей, которые у каждого народа своеобразны⁷.

Применение принципа историзма в столь широких хронологических рамках не обошлось, как это часто бывает, без известных издержек. Некоторые авторы пытаются найти истоки изучаемых ими этнографических реалий в культурном фонде народов, положивших основу болгарскому этносу, не располагая достоверными данными. К этому более склонны исследователи материального быта, которым легче найти внешние аналогии в разновременных явлениях, так как опредмеченные формы культуры гораздо теснее духовных связаны с природной средой и хозяйственным комплексом, сравнительно медленно эволюционирующим в доиндустриальный период. Но ведь такие аналогии могут обнаруживаться и у разных народов независимо друг от друга, в рамках определенных ХКТ, и поэтому выводы об их генетической связи требуют дополнительных доказательств.

Существует и другая трудность, касающаяся реконструкции всех видов народной культуры: из-за скудости или отсутствия источников не всегда возможно восстановить основные промежуточные звенья в цепи культурного развития с древности или раннего средневековья до нового и новейшего времени. Для Болгарии, чья культура сильно пострадала от османского нашествия, это весьма характерно. Поэтому, может быть, более правы те авторы III тома, которые проявляют осторожность в этом вопросе и полагают, что реконструкцию обычаев и обрядов в полной мере осуществить невозможно из-за изменчивости их содержания, даже при сохранении формы (т. III, с. 134, 207).

Успехом болгарских этнографов является освещение этносоциальной стороны народной культуры, особенно ее соционормативной роли. Хотелось бы пожелать полнее и шире исследовать в будущем эту ее функцию, в частности процесс социализации человека через приобщение как к духовной, так и к материальной и трудовой сфере быта, намеченный в некоторых разделах. Весьма существенны и формы символизации этого процесса.

Самостоятельную ценность имеют многочисленные иллюстрации, демонстрирующие красочность и разнообразие болгарской народной культуры. Досадно, что местами они сгруппированы бессистемно (например, перемежаются изображения будничной и обрядовой, обрядовой и рабочей одежды), чего легко можно было бы избежать. Не

⁵ См., например, *Каган М. С.* Классификация и систематизация//Типы в культуре. Л., 1979. С. 9.

⁶ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 209.

⁷ См. например, *Маркова Л. В.* О проявлении этнической специфики в материальной культуре болгар//Сов. этнография. 1974. № 4.

всегда достаточно информативны подрисованные подписи, которые должны быть теснее связаны с текстом, обозначать разновидности этнографических явлений, давать народную терминологию. Важно также указывать не только дату фиксации материала, но и время его бытования (см., например, вклейку между с. 272 и 273).

Сделанные замечания не снижают общей положительной оценки рецензируемого труда, который долго будет служить ценным пособием для этнографических исследований в области болгаристики, балканистики, славистики, европеистики. Он может быть полезен также археологам, искусствоведам, историкам. Последние, как правило, недооценивают информативности этнографических источников для изучения хозяйства, социальной и культурной жизни народа, особенно при скудости письменных сведений. Трехтомная «Этнография Болгарии» знаменует важный этап в развитии болгарской этнографической науки.

Л. В. Маркова

Zlatá podkova, zlaté pero, zlatý vlas. Carovne rozprávky slovenského ľudu/Príprava Viera Gasparikova (Edition and Commentary). Illustrations Miroslav Cipár. Bratislava. T. I. 1984. 222 p. T. II. 1985. 220 p.

Двухтомный свод-антология словацких волшебных сказок — «Золотая подкова, золотое перо, золотой волос» серии «*Ludove umenie na Slovensku*», подготовленный Верой Гашпариковой, автором известных сказковедческих исследований, рассчитан на широкий круг читателей. Соответствует этому назначению и иллюстративное оформление издания затейливыми заставками типа народных силуэтных картинок. Вместе с тем двухтомник отвечает определенным научным принципам, обоснованным во Введении и особом текстологическом примечании. Во Введении также освещается история собирания и изучения волшебных сказок словацкого народа, их межэтнические связи, устное бытование. Ко всем текстам даны комментарии. Справочный аппарат включает и диалектные словари, типологический указатель сюжетов по международной системе АТ (Зарне—Томпсона), библиографию.

Учитывая опыт Иржи Полívки, издавшего в 1923—1931 гг. пятитомную «Опись словацких сказок» всех жанров («*Stupis slovenských rozprávok*»), В. Гашпарикова ограничилась исключительно волшебными сказками. В антологии представлены все их сюжеты в характерных вариантах, записанных с 1830-х по 1970-е годы в различных регионах Словакии. При этом В. Гашпарикова ставила задачу отразить в публикуемом материале историю его собирания и изменения в историческом процессе народного сказотворчества. Трудность осуществления такого замысла обуславливалась качественной неоднородностью источников. Чтобы придать стилевое единство 105 сказочным текстам, вошедшим в двухтомник, пришлось 46 из них в той или иной мере отредактировать, а 59 текстов, дошедших в неточной фиксации (преимущественно середине XIX в.), литературно пересказать в стилистической манере, близкой другим сказкам данного издания. Не менее сложно решался вопрос о сочетании хронологической и тематической последовательности расположения текстов сказок в соответствии с порядком следования их сюжетных типов.

Распределение текстов по 11 разделам двухтомника соответственно главным действиям персонажей условно и испытывает сопротивление сложного сюжетного материала. В антологии выделены следующие разделы: I. Единорогство с чудовищем; II. Освобождение закланной или похищенной царевны; III. Добывание супруги молодцем; обретение доброй девушки счастья в супружестве; IV. Невозможное исполняется, несбыточное сбывается; V. Достижение целей благодаря чудесным и самоотверженным помощникам; VI. Осуществление желаемого благодаря верным человеку животным; VII. Обыкновенные вещи вершат нечто удивительное; VIII. Исцеление и оживление благодаря волшебным снадобьям; IX. Чудесная сила, чудесные способности; X. В мире глухих, злых и добрых чертей; XI. Самые невероятные приключения и случаи. Весь повествовательный массив этих разделов обрамлен типичными для волшебных сказок зачином и концовкой-приказкой. Спорность такого расположения текстов особенно проявляется в том, что сказки, относящиеся в основном к одному и тому же типу, например «Братья-вороны» (№ 32, 98—АТ 451) и «Ослепленный одноглазый великан» (№ 4, 104—АТ 1137), помещены в разных разделах и томах.

В антологию впервые опубликовано 65 сказочных текстов. 23 из них взяты из рукописных сборников 1830—1840-х годов архивного фонда Матицы словацкой, а 42 — из архивных фондов институтов Словацкой академии наук. 40 сказок перепечатано из сборников Я. Коллара (*Národné spievanky*, 1835), Я. Римовского (*Slovenskije povesti*, 1845), Б. Немцовой (*Slovenské pohádky a povesti*. I—II, 1857—1858), П. Добшинского (*Prostonárodné slovenské povesti*, 1880), С. Чамбеля (*Slovenska reč*, 1906; *Slovenské ľudové rozprávky*, 1959), И. Голубы (*Narodopisné práce*, 1958) и из периодических изданий XIX—XX вв. (публикации Ст. Мишника 1896—1912 гг., М. Косовой 1956 г. и др.). Национальный репертуар волшебных сказок представлен 165 сюжетными типами (в 105 текстах).

Рецензируемый свод-антология позволяет с большей определенностью, чем прежде, судить о своеобразии словацких волшебных сказок, их взаимодействии со сказками соседних народов на сюжетном, образном и стилистическом уровнях. Выясняется, например, что в словацком репертуаре не встречается популярный у всех соседних народов сюжет «Царевна Несмеяна» (АТ 559) и что такие распространенные у восточных славян сюжеты, как «По шучьему велению» (АТ 675), «Нерассказанный сон» (АТ 725), «Исполнение желаний» (АТ 555), «Чудесный петух» («Петух и жерновцы» АТ 715 А),